

К 200-летию со дня рождения В. А. Жуковского

9 февраля 1983 года исполняется 200 лет со дня рождения Василия Андреевича Жуковского. Его стихи, поэмы, переводы оставили заметный след в истории русской литературы. А. С. Пушкин, считавший себя учеником Жуковского, высоко ценил его творчество.

Сегодня, начиная публикацию материалов к юбилею замечательного русского поэта, «Литературная Россия» знакомит своих читателей с заметками Ал. Романова о творчестве Жуковского.

бьющая ключом эмоциональность.

Хорошо известно, что личная жизнь Жуковского, начиная с рождения, когда он, будучи незаконнорожденным, получил фамилию и отчество не родного отца, а бедного дворянина — отцовского нахлебника и только благодаря этому избежал участи крепостного, была исполнена не только творческих взлетов, признания и славы, но и многих душевных мук, невзгод и утрат. Не так уж редко ему сопутствовало отчаяние. Но даже в самые трудные часы он искал утешение в своем, чисто романтическом понимании мира и человека. Он искал гармонию даже в самых, казалось бы, несовместимых жизненных явлениях, стремился опозитивировать действительность в любых ее проявлениях, найти элементы веч-

не во всем последовательное подтверждение высказанных выше положений. Думается, в частности, что следовало бы пересмотреть издавна бытующее в нашем литературоведении утверждение, что Жуковский — стоял в стороне от бурных событий своего времени. Разве в творчестве Жуковского и в особенностях в его дневниках и письмах друзьям мы не находим указаний на то, что он, воспитатель наследника престола, возглавлявший поначалу все свои надежды на «просвещенного монарха», в конце концов в полной мере ощутил закономерный крах своих просветительских иллюзий, наблюдая за палаческой деятельностью царя Николая I? Его «дворцовый романтизм», который, как известно, осуждал не только А. С. Пушкин, выглядел по тем вре-

кабристов, и Николай I, как передают современники, упрекал Жуковского в том, что его называют «защитником всех тех, кто только худ с правительством».

Когда по доносу Бенкендорфа был запрещен издававшийся И. В. Киреевским журнал «Европеец» и это грозило его издателю большой бедой, Жуковский сказал царю, что он «ручается» за Киреевского. «А за тебя кто поручится?» — задал ему вопрос Николай.

Думается, что отнюдь не случайно современники называли Василия Андреевича «ангелом-хранителем русской поэзии». Именно так первым назвал Жуковского Александр Сергеевич Пушкин: Жуковский, как известно, хлопотал перед царем о смягчении участи Пушкина, которому грозила ссылка в Сибирь или Соловецкий монастырь за оду «Вольность».

По ходатайству поэта из вятской ссылки во Владимир был переведен А. И. Герцен. И Николай I впоследствии говорил, что этого Жуковскому «никогда не забудет».

Широко известны исключительные усилия, которые поэт приложил к тому, чтобы вырвать из крепостной зависимости Т. Г. Шевченко. Помещик Павел Энгельгардт, которому принадлежал крепостной художник Тарас Шевченко, назначил за него «выкуп» в 2500 рублей. Знаменитый Карл Брюллов написал портрет Жуковского. Портрет был продан на аукционе. Так были добыты деньги, получив которые крепостник подписал «вольную» Шевченко. «Вольная» была подписана 22 апреля 1838 года. Своей поэме «Катерина» Шевченко предпослал такое посвящение: «Василию Андреевичу Жуковскому — в память 22 апреля 1838 года».

И в творческих вопросах Жуковскому не раз приходилось испытывать на своих сочинениях охранительные рога царской цензуры и связанные с этим мытарства. «Орлеанская дева» хотя и была напечатана, но запрещена к постановке. «Баллада о старушке» и «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» также испытали на себе цензурные препоны. А переведенное им стихотворение Шиллера «Три слова веры», в котором содержались вычеркнутые цензурой, несомненно, автобиографические для поэта строки: «Человек создан свободным, и он свободен, даже если он родился в цепях», — поэт демонстративно отказался исправлять и в исправленном виде опубликовать.

Да и мало ли еще фактов прогрессивной общественной деятельности Жуковского можно было бы привести, если поглубже вникнуть в его биографию! Невольно возникает мысль: не следует ли объяснить и то обстоятельство, что последние двенадцать лет своей жизни он провел не в Петербурге и Москве, а в Дюссельдорфе и Дерпте — не в России, — не только его болезнью, болезнью жены и ее длительным лечением на тамошних курортах, но и условиями политической и литературной жизни России, которую он любил искренне и беззаветно и сердцем осознавал ее социальные невзгоды?

Василий Андреевич Жуковский был поэтом — великим русским поэтом, «отцом русского романтизма». Его учеником называл себя А. С. Пушкин. Но Жуковский был еще и прогрессивным общественным деятелем своего времени при всех характерных для его положения в обществе того времени изъянах его мировоззрения.

Таким мы его знаем. Таким мы его видим. Таким он стоит перед нами во весь свой исполинский рост в истории нашей литературы, нашей русской культуры в канун знаменательной даты — 200-летия со дня его рождения.

Ал. РОМАНОВ

СКВОЗЬ ЗАВИСТЛИВУЮ ДАЛЬ ВЕКОВ

Его стихов пленительная
сладость
Пройдет веков
завистливую даль...
А. ПУШКИН

В АПРЕЛЕ 1933 года в древнем русском городке Белеве местные краеведы отмечали 150-летие со дня рождения Василия Андреевича Жуковского.

В селе Мишенском, где поэт родился и рос, в трех километрах от Белева, на высоком зеленом холме, за густыми колючими зарослями сирени и крапивы тогда еще стоял серый одноэтажный бывший барский дом с узкими окнами, и широким, как ворота, парадным входом — здесь в то время размещалась сельская школа. За домом виднелись заброшенные дворовые службы, а чуть поодаль — бело-голубая усадебная церковь. Слева от усадьбы начинался сосновый парк с хорошо укатанной дорожкой. А в Белеве на окском откосе стоял двухэтажный деревянный дом, выстроенный поэтом по собственному проекту для себя и своей матери турчанки Сальхи, названной при крещении Елизаветой Дементьевной. Незадолго до Великой Отечественной войны этот дом был реставрирован и превращен в мемориальный музей с весьма богатой экспозицией произведений, рукописей и личных вещей поэта. В войну музей сгорел, его экспонаты погибли. Сгорели и усадьба поэта в селе Мишенском, и сосновый парк. Правда, на месте парка за минувшие сорок лет поднялась чудесная березовая роща, которую, к сожалению, до сей поры разрезают остатки траншей.

С Мишенским и Белевом связано и появление Василия Андреевича на белый свет, и его формирование как поэта и человека. Здесь он создал первые свои собственные поэтические сочинения и первые стихотворные переводы произведений немецких, английских, французских авторов. В разных изданиях его сочинений легко обнаружить, что множество писем, которые он посылал своим друзьям, помечены Белевом.

В Белеве в прошлом существовал своего рода культ Жуковского: иные местные жители, даже не умевшие читать и пи-

сать, знали на память его стихи и поэмы и охотно читали вслух своим детям и внукам. Стихи «Птичка», «Котик и козлик», «Жаворонок», посвященные поэтом сыну Павлу и дочери Александре, звучали в каждом доме, где росли малыши.

Мы, белевские школьники, частенько, особенно весной и летом, бывали в Мишенском. Школа, в которой мы учились, в первые годы революции еще именовалась городским реальным училищем имени В. А. Жуковского, а затем была переименована в «единую трудовую школу первой и второй ступени». Директор школы Дмитрий Федорович Введенский, преподававший русский язык и литературу, был глубочайше влюблен в Жуковского, о нем и его творчестве мог говорить часами. С особым душевным подъемом, передававшимся и нам, малышам, он читал наизусть его лирические стихи и баллады — «Людмилу», «Светлану», «Золоту арфу» и старинную повесть «Двенадцать спящих дев». Впрочем, элегию «Сельское кладбище» знал наизусть едва ли не каждый из моих одноклассников: для нас это был не вольный перевод стихотворения английского поэта XVIII века Т. Грея, а поэтический рассказ Жуковского о мишенском кладбище, о наших дедах — «протцах села», крепостных крестьянах помещика Афанасия Ивановича Бунина, чьи серпы «златую ниву жали», чей плуг «побеждал упорные поля», но для кого «был затворен просвещения храм», кого «рок обременил убожества цепями», чей гений был «строгого нуждою умерщвлен».

Все это объясняет, почему Белев и белевцы были столь внимательны к 150-летию со дня рождения своего земляка — знаменитого русского поэта и мыслителя. И когда теперь, в канун 200-летия со дня рождения В. А. Жуковского, я вспоминаю школьные годы, то неизменно связываю их с тем особым преклонением, с каким мои школьные учителя относились к творчеству Жуковского.

Разумеется, их привлекали не социальные проблемы, которых лишь изредка касался прославленный лирик. Их покоряли присущий его творениям высокий гуманизм, сосредоточенность на внутренних мотивах поведения человека, его глубоко личных переживаниях, стремление к нравственному самосовершенствованию, наконец, лирическое восприятие картин природы,

ной красоты даже там, где их найти невозможно. Отсюда его увлечение немецкими романтиками, в особенности Шиллером и Гёте, мистические мотивы, наивные представления о «бесмертии души». Отсюда, наконец, его постоянное обращение к минувшему, чаще всего к средневековью.

Чтец при императрице Марии Федоровне, затем учитель русского языка принцессе Шарлотте — Александры Федоровны, супруги великого князя, а затем императора Николая I, наконец, воспитатель наследника престола — будущего Александра II, Жуковский был — и не мог не быть — убежденным монархистом. Человек глубоко религиозный, воспитавший в себе бескорыстную преданность престолу, он «не представлял для России другого образа правления, кроме монархического», и единственно, чего желал, так это духовного развития «царской души». Обучение царского наследника он рассматривал именно с этих позиций, как нечто необычайно важное именно в плане «совершенствования» самых основ царского единовластия. Тем не менее в его педагогических набросках по русской истории мы находим утверждение, что у русских правителей отсутствует понятие народного блага и что он желает России «твердой законности, спокойного приобретения всех истинных сокровищ гражданской жизни». Такие свои взгляды, весьма далекие от официальных взглядов своего времени, он, несомненно, внушал и наследнику престола, и его окружению, чем вызывал резкое недовольство императора. Следовательно, и придворную службу Жуковского, его близость ко двору нам следует рассматривать в плане историческом, искать объяснение его мировоззренческих принципов в условиях русской политической жизни и русской действительности того времени.

В посвященных Жуковскому историко-биографических и литературоведческих исследованиях П. А. Ефремова, И. М. Семенов, М. Я. Бессараб, П. Н. Сакулина, В. В. Виноградова, Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума, М. В. Нечкиной, Н. В. Измайлова, Н. В. Соловьева, Н. Дубровина, в забытых ныне книгах К. К. Зейдлица «Жизнь и поэзия Жуковского» (1883 г.), А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» (1918 г.) мы находим безусловное, хотя и

менам весьма своеобразно. Бывало, что поэт смело обращался и к царствующим особам с напоминаниями о справедливости, гуманности, долге. «Поверь народу, царь, им будешь счастливы ты» — строка из его послания императору Александру I. Для поэта человек — «святейшее из званий». «Вот как русский поэт говорит русскому царю!» — так расценил эти напоминания Пушкин. И нашему литературоведению следовало бы сделать, несомненно, больше, чем сделано до сей поры, для более глубокого изучения и более правильного понимания идейного, социального, эстетического генезиса творчества Жуковского, его общественно-политических взглядов, его места в общественной жизни и литературной борьбе первой половины прошлого века.

В самом деле, разве в условиях царского деспотизма и произвола его проповедь личной добродетели не была проявлением его гражданской активности? Вспомним, что он был редактором «Вестника Европы» как раз в то время, когда в этом журнале публиковались весьма острые для того времени статьи о роли писателя в общественной жизни и о воспитании читателя, о месте сатиры в литературно-художественном творчестве, о назначении искусства. О многом говорит и его активнейшее участие в литературных схватках того времени в качестве организатора, секретаря и идейного вдохновителя общества «Арзамас», когда с особой силой он проявил себя как острый полемист. Широко известны его выступления против официальной охранительной идеологии «шишковистов», входивших в общество «Беседа любителей русского слова», его смелые указания на полнейшее непонимание ими задач становления и развития национальной культуры.

Биографы Жуковского справедливо утверждают, что он не был равнодушен к политике, хотя решительно отстранялся от любых оппозиционных действий и политических настроений, противоречащих его взглядам. Так, он безусловно знал о существовании тайных обществ среди офицеров хотя бы из уст С. П. Трубецкого, но никому не раскрыл этой тайны, правда, наотрез отказался примкнуть к тайному обществу, к чему его склонял Трубецкой. Позднее, однако, он никогда не скрывал своего сочувствия судьбам де-